
ЭССЕ

М. В. ЧЕРНИКОВ, Д. О. ЖУЧКОВ,
А. М. ЖУЧКОВА

СМЕХ: ОНТОЛОГИЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ ПРАГМАТИКА

В статье предпринята попытка, используя современные данные наук о человеке и поведении, по-новому взглянуть на обсуждаемую еще со времен Античности проблему смеха. Исследуются онтологические основания смеха. С учетом выявленной онтологии смеха рассматривается его коммуникативная прагматика. Анализируются типичные случаи как спонтанного возникновения смеховой ситуации, так и нацеленного использования смеха для решения специально поставленных коммуникативных задач.

Ключевые слова: смех, комическое, онтология, процессы коммуникации, коммуникативная прагматика.

В 1900 г. известный французский философ А. Бергсон опубликовал знаменитую работу «Смех: Эссе о значимости комического». Касаясь «загадки смеха», Бергсон пишет: «Величайшие мыслители, начиная с Аристотеля, принимались за эту маленькую задачку, а она все не дает собой овладеть, скользит в руках, вырывается и снова встает, как дерзкий вызов, бросаемый философской мысли» (цит. по: Рюмина 2010: 12).

Более чем через 100 лет после Бергсона, в 2006 г., современный исследователь, также отмечая богатую историю изучения смеха, вынужден признать: «История изучения смеха столь же изменчива и противоречива, сколь изменчив и противоречив сам смех. Не многие феномены привлекали к себе столько же внимания со стороны философов, писателей, антропологов, психологов, культурологов, этнографов, искусствоведов... Но смех, причины его воз-

никновения и способы включения в культуру, несмотря на интеллектуальные усилия ученых различных эпох и направлений, во многом продолжают и сегодня оставаться “вещами в себе”, явлениями таинственными, загадочными, не поддающимися строгому объяснению и не укладывающимися полностью ни в одну из теорий, предлагавшихся и предлагающихся специалистами» (Лашенко 2006: 5).

Действительно, казалось бы, проблемное поле «истоптано» вдоль и поперек. По проблематике смеха можно не только указать огромную библиографию, но и выделить целый ряд исследовательских стратегий, к основным из которых принято относить теорию превосходства, теорию разрядки и теорию противоречия.

«Теория превосходства, – читаем в современной монографии, – впервые предложена Т. Гоббсом, который видел в смехе “внезапное возвышение” смеющегося и соответственно принижение осмеиваемого. Из этого тезиса Гоббс выводил все основные характеристики смеха. Позднее эта теория была воспринята Стендалем, А. Бэйном, Ш. Бодлером и др.

Теория разрядки подробно разрабатывалась в психоанализе и основана на теоретических выкладках З. Фрейда о комическом и остроумии как об освобождении от психологического напряжения, а в широком плане – от диктата социальных норм. Непосредственным источником психоаналитической трактовки смеха считается теория Г. Спенсера, развивающая, в свою очередь, идеи И. Канта о смехе как “внезапном превращении напряженного ожидания в ничто”. Позже как сублимация агрессии смех рассматривался К. Лоренцем, как творческая разрядка интеллектуального напряжения – А. Кестлером.

Теория противоречия прямо продолжает античные традиции. Подобно тому как смех у Демокрита, Платона, Аристотеля, Цицерона последовательно выводился из несоответствия сущности и мнимости, ценности и претензии на нее, красоты и безобразия, формы и бесформенности, теоретики XVII–XX веков усматривали причину смеха в противоречии между величием и ничтожностью (Жан-Поль), основательностью и иллюзорностью (Гегель, Маркс, Энгельс), понятием и реальностью (Шопенгауэр), жизнью и автоматизмом (Бергсон)» (Дмитриев, Сычев 2005).

В то же время надо признать, что ни одна из этих исследовательских стратегий не стала общепризнанно доминирующей, так что говорить сегодня о полном концептуальном проникновении

в «загадку смеха» явно преждевременно. И этому есть объяснение. Дело в том, что изучение смеха традиционно велось с описательных (можно сказать, спекулятивных) позиций, выстраиваемых порой с поражающей воображение виртуозностью и силой мысли, но без опоры на действительно научное понимание феномена человека и человеческой деятельности, которое – и это следует особо подчеркнуть – сложилось относительно недавно (не ранее второй половины XX в.).

Только в это время удалось получить важные (в том числе экспериментальные) данные, которые фактически развенчали целый ряд фундаментальных представлений социогуманитарного знания, оказавшихся на поверку устойчивыми мифами (Пинкер 2018).

Сегодня социогуманитарное познание выходит на новый этап интеграции философии и реальных наук о человеке, когда для решения так называемых синтетических проблем человека используется и характерный для философии уровень интеллектуальной рефлексии, и экспериментальный материал, предоставляемый конкретными науками.

Следует признать, что к числу такого рода синтетических проблем человека относится и «загадка смеха».

* * *

Авторитетное заявление Аристотеля «Из всех живых существ только человеку свойствен смех» (Аристотель 1937: 118) долгое время принято было безусловно принимать на веру (Пропп 1976: 28). Однако этология свидетельствует, что в своем зачаточном виде он проявляется уже у высших млекопитающих. Как убедительно показал К. Лоренц, улыбка по своей природе восходит к хищному оскаливанию пасти (демонстрации клыков), которое многие высшие млекопитающие (от волков до обезьян) используют для запугивания своего противника (Лоренц 1994). Оскаливание (наряду с взъерошиванием для придания себе визуально большего размера, характерными телодвижениями, маркирующими агрессию, и рядом других коммуникативных сигналов устрашения) – стереотипная поведенческая реакция, широко применяемая зверями в любой чреватой опасностью ситуации.

Важно подчеркнуть, что все такого рода устрашающие сигналы «выставляются» животным «заранее», в самом начале ситуации, которую зверь оценивает как угрожающую. Зверь предвосхищает встречу с возможным противником и реагирует на него с опереже-

нием. В отечественной научной литературе такую реакцию определяют как «опережающее отражение действительности» (Анохин 1962).

Реагирование с опережением запускает не только внешние – поведенческие – действия, но и внутренние процессы, мобилизующие организм животного для отпора врагу. В головном мозгу животного возникает специфическое поле возбуждения, доминанта, которая тормозит все «не относящиеся к делу» информационные сигналы, сосредотачивая организм животного для выполнения наиболее (порой – смертельно) важной для него в данный момент задачи – схватки с врагом (Ухтомский 2017).

Однако бывают случаи, когда тревожная ситуация внезапно успешно разрешается. Опасный враг оказывается всего лишь, например, со страшным шумом упавшей веткой дерева. Ситуация триггерно опрокидывается, наступает разрядка. В подобной ситуации происходит своего рода «слом доминанты», который, как правило, сопровождается неким «не относящимся к делу» и произвольным, как бы «вырывающимся наружу» поведенческим эффектом, например, тем или иным звуковым сигналом. В этологической литературе эти поведенческие эффекты описываются как «смещенная активность» (Korlandt 1940; Tinbergen 1952) или «смещенные действия» (Кальтенхаузер, Крушинский 1969)

Показано, что в определенном рода условиях – например, в условиях направленного эксперимента – можно добиться устойчивой коррелятивной связки между «сломом доминанты» и соответствующим поведенческим эффектом (Поршнева 1974). С точки зрения эволюционной логики такого рода корреляция между «сломом доминанты» и определенным (случайно возникающим) поведенческим эффектом может стать устойчивой, если соответствующий поведенческий эффект функционально нагружается и начинает играть определенную роль в плане повышения биологической приспособленности. Этот механизм работает в ситуации общественных животных (в частности, приматов) по отношению к звуковым сигналам, возникающим как произвольные корреляты «слома доминанты». Вызванный им звуковой сигнал в случае общественных животных может быть использован в качестве коммуникативного сигнала. Получая, таким образом, функциональную нагрузку, он закрепляется, становясь унифицированным элементом в составе поведенческого репертуара данного вида животных.

Б. Ф. Поршнев (1974), впервые привлекая серьезное научное внимание к данному эффекту, положил его в основу своей – предельно интересной, хотя и небесспорной – теории возникновения речи у первобытного человека. Мы не будем сейчас обсуждать всю (достаточно сложную) теорию Поршнева и погружаться в проблематику формирования речевых навыков человека. Укажем лишь, что открытый (и убедительно обоснованный) Поршневым эффект вполне приложим к такому произвольному извлечению звуков в характеризующихся определенным родом напряженностью ситуациях, которое принято трактовать как смех. Заметим, что идея о смехе как определенной форме «смещенной активности» – но без привязки к коммуникативной нагруженности смеха – высказывалась и другими учеными, в частности В. Шмидтом (Schmidt 1957), П. Лейхаузенем (Leyhausen 1973), Р. Расселом (Russell 1987) (см.: Козинцев 2007).

То, что смех несет в себе в первую очередь коммуникативную составляющую, сегодня хорошо известно. Как установил психолог Р. Провайн, люди в компании смеются в 30 раз чаще, нежели в ситуации одиночества (Provine 2000). А если человек смеется, будучи один, он, как правило, представляет себе реакцию других людей или соответствующего рода коммуникативное действие.

Тезис о коммуникативной природе смеха подкрепляет и давно установленный факт смеховой заразительности (Chapman, Wright 1976; Freedman, Perlick 1979). Именно потому, что смех заразителен, в современных комедийных шоу используют уже записанный смех (ранее – в старинных водевилях – место, в котором зрителям предписывалось смеяться, отмечалось ударом барабана) (Пинкер 2017: 597).

Основные свои функции смех как коммуникативное действие проявляет уже на уровне приматов, которые, как считают приматологи, издают звуки, функционально идентичные смеху. В частности, утверждает социобиолог И. Эйбль-Эйбесфельдт, именно как смех следует расценивать «окрикивание» – характерные звуки, производимые обезьянами, собирающимися в группу с целью атаковать или запугать своего врага (Eibl-Eibesfeldt 1989).

Существует и другой тип «смеха». Например, шимпанзе «смеются», щекоча друг друга. Такого рода щекотание состоит в том, что обезьяны касаются уязвимых мест своего партнера, имитируя нападение. Происходит как бы драка понарошку, сопровождаемая у шимпанзе ритмичными придыхательными звуками, которые, как

утверждают специалисты, представляют собой специфический смеховой комплекс.

Обобщая вышеизложенное и пытаясь найти «общий знаменатель» установленных фактов, можно дать следующее определение смеха: это непровольная реакция, возникающая в случае неожиданного, но оправданного понижения «градуса» ситуации и выполняющая функции коммуникативного сигнала (а потому закрепляемая как стереотипная) в системе межсубъектных человеческих отношений.

Можно показать, что разнообразные и многочисленные смеховые ситуации, возникающие в человеческом общежитии, предполагают выполнение требований, указанных в данном определении. Верно и обратное: в том случае, когда не выполняются основные требования «формулы смеха», а именно отсутствует: а) либо неожиданность понижения «градуса» ситуации, б) либо оправданность понижения «градуса» ситуации, в) либо само понижение «градуса» ситуации – смеховая реакция не наступает. При этом сила возникающей смеховой реакции будет зависеть от быстроты и амплитуды «слома доминанты». Чем более напряженная ситуация предшествовала ее успешному (оправданному) разрешению, чем неожиданнее (быстрее и эффективнее) происходит разрешение напряженной ситуации, тем сильнее проявляется смеховая реакция.

Если смеховая реакция вызывается резким разрешением (понижением «градуса») напряженной ситуации, то можно ожидать, что различные – естественно возникающие или искусственно созданные – варианты понижения «градуса» ситуации и будут задавать пространство типичных смеховых ситуаций. Один из наиболее распространенных сценариев смеховой ситуации можно назвать «нивелирование угрозы».

Наличие угрозы, очевидно, не может не напрягать. Причем чем серьезнее угроза, тем больше соответствующее напряжение и тем менее понятным представляется вариант ее устранения. Именно поэтому «развенчание злодея», если оно действительно (по крайней мере, правдоподобно) достигается, то за счет использования нетривиальных процессов и/или креативных действий, что, как правило, дает комический эффект.

Креативно осуществляемое «развенчание злодея» лежит в основе многочисленных комедийных сюжетов: Буратино против Карабаса-Барабаса в «Золотом ключике», Заяц против Волка в куль-

товом советском мультсериале «Ну, погоди!», хитрый и ловкий мальчишка против злонамеренных взрослых (рассказ О. Генри «Вождь краснокожих» и снятый по нему одноименный фильм), интеллигент-«ботаник» против брутального хулигана (первая новелла из фильма Л. Гайдая «Операция “Ы” и другие приключения Шурика»). Этот ряд неисчерпаем.

Более замаскированным (потенциальным) вариантом «злодейства» является наличие у определенного субъекта высокого статуса, что позволяет данному субъекту (по крайней мере, потенциально) осуществлять по отношению к не обладающим таким статусом акты распоряжения, доминирования, господства. Наличие такой – пусть даже только возможной – угрозы от высокостатусного индивида также вызывает соответствующее напряжение у других людей (тем более сильное, чем более амбициозен высокостатусный индивид и чем чаще он подчеркивает свой статус). Соответственно, в случае неожиданной «потери лица» высокостатусным индивидом не может не возникнуть комичная ситуация.

Варианты «нивелирования статуса» – с учетом того, что по мере развития и усложнения общества и типы статусов, и приемы их нивелирования становятся все более многочисленными и специфическими – весьма разнообразны. Самым древним и примитивным способом нивелирования статуса служат физические воздействия, указывающие на телесную слабость любого – даже самого высокопоставленного – представителя *Homo sapiens*, а также обращение внимания на физиологические особенности, в том числе физиологические отправления, которых опять же не в силах избежать любой, даже предельно статусный индивид. Два указанных способа нивелирования статуса составляют суть так называемого грубого и «туалетного» юмора.

В развитых цивилизациях оба вышеуказанных типа юмора считаются социально слишком конфликтными, а потому, по существу, стигматизируются, объявляясь неприемлемыми (пошлыми). Именно поэтому в современном обществе подобного типа юмор имеет хождение преимущественно в подростковой среде, а среди взрослых встречается только в специфических – в частности, криминальных – субкультурах.

Однако в древности именно грубый юмор был наиболее употребителен, иногда в своих проявлениях доходя буквально до сатанизма. Американский антрополог Р. Хеймс, изучая племя охотников-собираателей *экуана*, проводил полевые исследования в джун-

глях Амазонии. Как белый и (что существенно) высокий иноземец он считался среди туземцев высокостатусным индивидом, но когда он, входя в хижину, сильно ударился головой о дверную перекладину и упал, корчась от боли и буквально обливаясь кровью, свидетели этого события хохотали до упаду (Пинкер 2017: 598).

В эпоху Средневековья предельно смешными представлялись сцены публичных казней. Да и сегодня какой-нибудь неожиданный конфуз, случившийся со статусной особой, может показаться комичным.

Особый тип напряжения вызывает у людей и боязнь переступить через жестко установленные социальные запреты и/или различного рода табу. Подобная боязнь вполне оправданна, поскольку нарушение важных (представляющихся важными) социальных запретов, как правило, влечет за собой серьезное наказание (высокие издержки для нарушителя).

Кроме того, нельзя не учитывать, что закрепленная диспозиция табуированного в существенной мере ограничивает свободу действий и поведения членов данного социума. Имманентная для человека нацеленность на увеличение личностной свободы вступает в конфликт с имеющимися социальными запретами, что и порождает соответствующее напряжение. Именно поэтому креативное, ловкое, каким-то образом «оправданное» (что, по крайней мере, теоретически позволяет избежать наказания) нарушение такого рода социальных запретов (табу), будучи, по существу, удачной попыткой разрядить диспозиционально закрепленное в рамках данной культуры (или субкультуры) напряжение, имплицитно смеховую ситуацию и вызывает как минимум улыбку.

Позволить себе нарушить принятое в данной культуре табу могут, как правило, лишь дети, иноземцы или достаточно маргинальные особы: юродивые, записные шуты и комики. Им обычно и дозволяется производить попытки «нивелирования табу»: от отпускания сальных шуток и произнесения (поведенческого проявления) непристойностей до буквально святотатства.

Далеко не всегда такие попытки вызывают смех. Как правило, бытие табуированного в социуме серьезно обусловлено. Выполнение принятых в обществе правил, в том числе социальных запретов и табу, играет важную роль в деле обеспечения сплоченности данного социума, определяя высокую легитимность последних. В тех случаях, когда сплоченность социума предельно значима (напри-

мер, ситуация военных конфликтов), степень легитимности соответствующих табу может возрастать до уровня сакральности.

Попытки нивелирования легитимных табу, даже производимые маргинальными личностями, обычно вызывают не столько смех, сколько как минимум раздражение, а как максимум – праведное негодование. Но если степень легитимности табу (при всей легальности последнего) ослабляется, то «удачные» (представляющиеся удачными) попытки нивелирования табу начинают рассматриваться в модусе комичности и продуцируют смеховую реакцию. Вспомним, например, советский анекдот. *Брежнев приезжает в Узбекистан, спускается с трапа самолета. Встречающие его приветствуют: «Салям алейкум». «Алейкум салям», – отвечает Брежнев. Вдруг кто-то из толпы кричит: «Архипелаг ГУЛАГ». Брежнев в ответ: «ГУЛАГ архипелаг».* Так обыгрываются и вся табуированная в позднем СССР тема сталинских лагерей, и – более конкретно – строжайше запрещенная в Советском Союзе книга Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».

Однако произвольная смеховая реакция, возникающая при неожиданно успешной разрядке напряженной ситуации, – это лишь одна составляющая феномена смеха. Вторая, не менее значимая его составляющая обусловлена прагматическим использованием смеха как в природно-преобразовательных, так и – особенно – в коммуникативных целях.

Здесь действует как бы обратная логика. Если быстрое и удачное понижение «градуса» ситуации вызывает смех, то, быть может, наличие (как вариант – искусственное вызывание) смеха способно обеспечить соответствующую разрядку (облегчение) напрягающей ситуации.

Использование такой логики в природно-преобразовательных целях, конечно, есть не что иное, как рецидив магического мышления, в котором господствует принцип «бриколажа» (Леви-Стросс 1994), а причинно-следственные связи трактуются на основе соответствующих типов ассоциаций.

Общества, в которых не изжито магическое мышление, характеризуются и наличием вполне определенных – предельно странных с точки зрения цивилизованного человека – поведенческих практик и ритуалов. Так, для них характерны различного рода *карго-культы*. Это название возникло после того, как антропологами были описаны случаи, происходившие на островах Тихого океана во время Второй мировой войны. Американцы завозили самолета-

ми на эти острова различные грузы – карго, которые частично доставались туземцам. Когда (по окончании военных действий) потребность американцев в использовании островов отпала, туземцы, лишившись притока желанного карго, попытались его возобновить. Практикуемое островитянами магическое мышление подсказало им логику действий: они построили деревянную будку на опустевшей взлетной полосе и посадили в нее человека со сделанными из половинок кокоса наушниками. Выполнив, как они посчитали, все необходимые для прибытия самолетов действия, туземцы стали ждать появления искомого карго. Многочисленные и разнообразные примеры карго-культов ретроспективно были найдены во многих архаичных обществах (Фейнман 2001).

К числу такого рода карго-культов правомерно отнести и, например, ритуальное использование смеха в похоронных обрядах, что – при всей парадоксальности (если не чудовищности) с точки зрения современного человека – устойчиво практиковалось во многих древних обществах.

Этнография свидетельствует, что даже в конце XIX в. у восточных славян, например, в Закарпатье, бытовали, мягко говоря, странные для трагической ситуации прощания с умершим ритуалы (см.: Лашенко 2006). После непременно обмывания и одевания покойника его тело располагалось на специально убранной лавке в почетном месте горницы. Для прощания живых с умершим созывались так называемые сборы, на которые приглашались родственники, друзья и хорошие знакомые покойного. На сборах поначалу господствовала подобающая ситуации смерти близкого человека скорбная и трагическая атмосфера, но потом – что с современной точки зрения выглядит, мягко говоря, непонятным – начиналось время «забав». Появлялись шутки, скабрзности, смех. Проводились ритуально обязательные игры. Модификаций таких игр было множество, но, как правило, они выстраивались вокруг ситуации слепого выбора. Показательной в этом отношении была популярная игра-«забава» – «лубок» (надо иметь в виду, что в старину практиковалось и умерщвление престарелого «на лубке», когда, например, его сажали на лубок [примитивные санки] и спускали по крутому склону горы в пропасть). Суть игры «состояла в том, что парни, выбрав кого-то из своего круга, поворачивали его спиной к остальным. Кто-либо из участников “забавы” ударял его в спину, стараясь тут же смешаться с остальными. Если тот, кого ударяли, угадывал в толпе обидчика, он менялся с ним местами. Если

нет, – игра, вызывавшая веселье, начиналась сызнова» (Лашенко 2006: 30).

«Забавы» постепенно принимали совсем уже неприличный оборот. Проводились откровенно скабрзные, сексуально окрашенные игрища. Вовлекалось в «забавы» даже тело покойника. Источник свидетельствует: «К покойнику никто не испытывает никакого уважения. Вечером собирается молодежь и выделяет страшные варварские шутки с трупом. Например, таскают мертвеца за ноги и зовут его, чтобы встал и забавлялся с ними, таскают за волосы и спрашивают, может ли он отгадать, кто его потянул, водят стеблем или веткой дерева у него под носом, щекочут его, чтобы засмеялся, и т. д. И все это устраивается на глазах родных, которые, однако, и запротестовать не могут, потому что не могут нарушать обычай» (Кузеля 1914: 206).

Подобного рода «забавы», выглядящие с современной точки зрения предельно неуместными и, мягко говоря, непонятными, сопровождались постоянно продуцируемым смехом – неперменным и строго обязательным элементом похоронной ритуальности. Почему все это происходило? Корни обрядовых действий уходят в древнее языческое прошлое восточных славян, мифологическую картину мира которых и практикуемое ими магическое мышление надо считать ответственными за формирование определенных карго-культов, используемых, в частности, в ситуациях перехода близкого человека из мира живых в мир мертвых.

Архетипической чертой древних человеческих обществ служит ярко выраженная боязнь покойников, которые, как считалось на уровне общепризнанных истин, при некорректном, недостаточно правильном обращении с ними в момент перехода в загробный мир способны возвращаться в мир живых и причинять живущим различного рода неприятности, вплоть до «забирания» с собой в мир мертвых (Назаретян 2002). Поэтому строго обязательным полагалось неукоснительно «правильное» проведение погребального обряда. Оно включало в себя многочисленные требования и условия, которые получали институциональное закрепление и передавались из поколения в поколение, даже в том случае, если утрачивалось понимание причин и логики появления такого рода требований.

К числу предельно важных условий правильного обеспечения перехода человека из мира живых в мир мертвых относился и строжайший запрет на предание земле еще живого человека. В силу этого запрета категорическим требованием к «правильному»

проведению обряда перевода (перехода) близкого человека в загробный мир выступала необходимость совершить все возможные (мыслимые и – с современной точки зрения – даже немислимые) действия, чтобы попытаться «оживить» покойника. И только если проведенная по полной программе – ответственно и старательно – процедура оживления не приносила результатов, можно было успокоиться и с чувством выполненного долга и ощущением правильности всего происходящего предать усопшего земле.

Карго-воплощение программы оживления покойника, характерное для древних восточных славян, включало в себя, как показывает современный анализ, три основных компонента: двигательную активность, сексуальное напряжение и смеховую заразительность (Лашенко 2006). Логика использования этих компонентов в рамках карго-культа оживления покойника определяется тем, что все они представляют собой набор мощных стимуляторов человеческой активности. Выдержать их напряженное давление и остаться бесчувственным, не шевельнувшись, даже когда тебя активно дергают и теребят, не заинтересовавшись, хотя бы на уровне движения глаз, когда вокруг нагнетается насыщенная сексуальная ажиотажность, не улыбнувшись даже тогда, когда, казалось бы, нельзя не рассмеяться при виде всего происходящего, – такое под силу только окончательно умершему человеку. Так проясняется прагматическая функция смеха в погребальной ритуалистике древних народов.

Однако основные – не столь эзотеричные – примеры прагматического использования смеха связаны, как правило, с решением не природно-преобразовательных, а определенного рода коммуникативных задач. В рамках соответствующих типов коммуникации продуцирование смеха (зачастую искусственное) призвано, в первую очередь, маркировать неравенство статусов и/или возможностей коммуникантов и тем самым индуцировать в сознании последних определенное, соответствующее этому неравенству психическое состояние.

Именно эту задачу выполняет «осмеяние». В наиболее жесткой и агрессивной форме процедура осмеяния производится по отношению к врагу, противнику, которого следует уничтожить. Смех, используемый в практиках осмеяния, будучи маркером снижения «градуса» ситуации, нацелен на демонстрирование и себе (актору, продуцирующему смех), и противнику (адресату смеха), что по-

следний мелок и незначителен, не представляет собой реальной угрозы, у него нет шансов выиграть противоборство.

Решению именно этой задачи обязан своим возникновением тот зловещий, сардонический смех, которым смеются – как это часто описывается в соответствующих художественных текстах (сказочных историях, комиксах и т. п.) – уверенные в своей силе и мощи «злодеи», нацеленные на уничтожение своего представляющегося (и представляемого ими) жалким и неопасным противника. Суггестивное воздействие такого смеха увеличивает (на субъективном уровне) мощь актора смеха и (что, возможно, проявляется в еще больших масштабах) уничижает адресата смеха, подавляя его самооценку и волю к сопротивлению. Естественно, что объект осмеяния пытается выйти из положения осмеиваемого и доказать «злодею», что тот заблуждается относительно своего, пусть и выглядящего невзрачным, соперника и явно недооценивает возможности сопротивления последнего (стандартный сюжет в художественных произведениях).

В более мягкой форме подобного рода задачи дискредитации оппонента в процессе коммуникации решает саркастический и иронический смех. Если, о чем уже говорилось, неожиданное «нивелирование статуса» высокорангового человека способно вызвать произвольную смеховую реакцию, то представляется оправданным (и это на самом деле работает) попытаться нацеленно снизить статус (ухудшить имидж) определенного человека, тем или иным способом индуцировав смех по отношению к нему. Однако для такого индуцирования смеха (в мягком варианте – саркастической усмешки или иронической улыбки) надо найти или придумать соответствующий повод.

При невозможности физически поставить подлежащего осмеянию или вышучиванию человека в комичную ситуацию приходится выискивать в поведенческих проявлениях данного человека «слабые места», которые не должны проявляться людьми, претендующими на данный статус (соответствующий имидж). Выискивание таких мест у определенного персонажа и их подчеркивание составляют суть таких саркастических (иронических) типов деятельности, как пародирование, шаржирование, карикатура.

Вспомним, например, как «поддел» популярного, но чересчур амбициозного поэта Е. Евтушенко известный пародист А. Иванов. Евтушенко, ничтоже сумняшеся, начал свою поэму «Братская

ГЭС» с весьма фамильярно звучащей фразы (аллюзии на известное стихотворение С. Есенина «Собаке Качалова»):

Есенин, дай на счастье нежность мне...

Свою пародию Иванов назвал «Панибратская ГЭС» (блестяще!!!). Она звучала так:

Есенин, дай на счастье руку мне.
Пожми мою. Дружить с тобой желаю.
Давай с тобой полаем при луне.
Ты помолчи. Я за двоих полаю.

Пародия, как говорится, удалась!

Современный пародийный юмор позволяет себе быть более жестким, достигая за счет именно этой жесткости, нестеснительности дополнительных выразительных эффектов. Характерный пример такого жесткого современного юмора – сатирическое песенное творчество С. Слепакова. Ярким его проявлением является, в частности, сатирическая дискредитация одного из самых талантливых российских футболистов 2010-х гг. Андрея Аршавина. Невысокий, неатлетичный, но обладающий прекрасным дриблингом, много забивающий нападающий «Зенита» и сборной России по праву считался звездой нашего футбола. Однако он далеко не всегда находил в себе мотивацию для игры, соответствующей его таланту. Особенно досадно это выглядело, когда он, уже будучи капитаном сборной России, «сдувался» в самых ответственных для страны матчах, а вполне справедливую критику просто игнорировал. Широкую известность получила его циничная фраза в адрес болельщиков, упрекавших Аршавина в невыразительной игре: «Это их проблемы». Одним словом, Аршавина надо было «наказать», сбить с него звездную спесь. Слепаков сделал это блестяще:

В маленьких бутсах, в маленькой форме
Ты выбегал на большой стадион.
Был ты звездой в жизни и в спорте,
Каждый мальчишка в тебя был влюблен.
Пусть ты не вырос плечистым гигантом,
В сетку мячи загонял ты шутя,
И самым лучшим членом команды
Все мы считали тебя.

Так, по сути, эпически начинается «Песня про Андрея Аршавина». Однако...

И для участия в матче ответственном
Ты прилетел из далекой страны,
Ведь в предстоящей игре со словенцами
Были голы твои очень нужны.
Все россияне на позитиве
Ждали свершений и перемен,
Но в этот вечер был не активен
Сборной России маленький член.

Вот она, изюминка всей песни, ключевое – весьма неожиданное, но и формально, и содержательно оправданное, завершенно жесткое сравнение, поистине «опускающее» звездного футболиста. Удачно найденная и унижительная метафора теперь будет составлять издевательский рефрен песни:

Маленький член сборной России,
Сборной России маленький член,
Маленький член сборной России,
Сборной России маленький член...

Хохот (особенно при первом прослушивании) огромного большинства хоть немного «знающих тему» слушателей этой песни вполне определенно доказывает, что свою коммуникативную задачу – сатирически дискредитировать действительно звездного, но, очевидно, «завездившегося» футболиста – Слепаков выполнил блестяще. На примере его песенного творчества можно проследить и еще одну характерную для коммуникативных процессов прагматическую функцию смеха, а именно преодоление табу. Аналогично тому как индуцирование смеха в отношении высокорангового человека понижает его статус (девальвирует имидж), так и комически оправдываемое вторжение, своего рода диверсия в поле табуированного понижает накал и жесткость имеющегося табу.

В той же «Песне» ключевая – вызывающая хохот – метафора находится, что называется, «на грани фола». Аллюзия к названию мужских гениталий (да еще маленьких размеров – что, согласно устойчиво бытующим представлениям, дискредитирует мужское достоинство) совершенно очевидна для слушателей песни. Но использование такой метафоры в публичном пространстве есть, по существу, прямое нарушение как литературных, так и этикетных норм приличия. Литературных – поскольку употребленное выражение однозначно воспринимается лишь в качестве «фигового листка» или эвфемизма откровенно нецензурного выражения. Этикетных – поскольку такой, принятый разве что в криминальной

среде стиль обращения или названия человека является неприкрыто агрессивным и сознательно унижающим последнего, что в культурном обществе считается недопустимым.

И тем не менее автор песни не просто позволяет себе нарушить литературные и этикетные табу, но делает такое нарушение ключевым, используя его как главное, определяющее средство вызывания смеховой реакции. И это неудивительно. Современная культурная ситуация в России, вовлекаясь в общий тренд развития постмодернизма как культурной логики позднего капитализма (Jameson 1991), характеризуется процессами делегитимации многих ранее строго соблюдавшихся табу. Целый ряд моральных, литературных, этикетных запретов, бывших ранее не только легальными, но и легитимными, еще сохраняя (по инерции) легальность, все больше утрачивают свою легитимность (содержательно обособленную признаваемость) (Черников, Филатов 2016).

В этой ситуации «оправданные» нарушения таких – обветшавших, но остающихся легальными – запретов вызывают уже не праведный гнев, как это было раньше, но смеховую реакцию, питаемую теми энергетическими ресурсами, которые в свое время были аккумулированы в данном табу. И пусть внешнее «оправдание» нарушения табу может быть достаточно легковесным (в случае «Песни про Андрея Аршавина» – это просто омонимия), оно запускает внутреннее – полновесное – «оправдание» такого нарушения. Действительно, по-настоящему «достать» нечувствительного к обычной критике футболиста можно лишь сильными средствами, в частности, перейдя на «пацанский» или «лагерный» стиль общения, который в России традиционно маркирует начало разговора всерьез, начистоту, без сантиментов и двойных стандартов корректности.

Прикрывающиеся (оправдывающиеся) комичностью вторжения на территорию табуированного выполняют с коммуникативно-прагматической точки зрения функцию окон Овертона, проверяя, насколько еще прочно (насколько легитимно?) легальное табу. Если вторжения комического начинают вызывать смеховую реакцию, это свидетельствует о начинающейся эрозии данного табу. Если же такого рода вторжения вызывают не смех, а осуждение и гнев, то, значит, «есть еще порох в пороховницах» и табу не только легально, но и подлинно легитимно. Именно в рамках этой логики надо расценивать вызвавший широкую общественную полемику случай режиссера Андрея Красовского, который анонсировал свой недав-

но снятый фильм «Праздник» как черную комедию о блокадном Ленинграде.

При этом, конечно, надо отметить, что если технология окон Овертона со стороны комического стала приносить успех и оправдываемые задачей формирования смеховой ситуации вылазки комического на территорию табуированного начинают во все большей мере вызывать смех, то эрозия данного табу не только фиксируется, но и усугубляется. Смех в таком случае начинает добивать «раненого зверя».

Однако обусловленное смехом понижение «градуса» ситуации может применяться не только в конфронтационных целях, когда во главу угла ставится задача развенчать оппонента или противника, умалить его статус и/или ухудшить имидж. Смеховое понижение «градуса» ситуации может быть направлено и на нивелирование возможной агрессии в целом. В этом случае смех будет маркировать несерьезность потенциально имеющейся угрозы.

Именно эту функцию выполняет смех в ситуации возни родителей со своими малышами. В ситуации такого рода смеются (как минимум улыбаются) и взрослые, тискающие и щекочущие своих детишек, шуточно пугающие их своим нападением, и сами малыши, которые очень любят такие агрессивно-безопасные игры. Частенько, разыгравшись, дети смеются, что называется, «до упаду».

Как свидетельствуют этологи, сопровождаемые смехом (правильнее, по-видимому, следует сказать – протосмехом) притворно агрессивные игры родителей с детьми имеются уже у высших млекопитающих и особенно характерны для обезьян. Аранжирующий такие игры смех (протосмех) выступает при этом как «метакоммуникативный сигнал, означающий, что агрессивное по форме поведение – всего лишь игра, тогда как истинные намерения “агрессора” дружелюбны» (Козинцев 2007: 98).

У человеческих детей смех появляется на 2–4-м месяце, первая «социальная» улыбка – где-то на месяц раньше. Но первая улыбка – это реакция на внутреннее состояние, а смех возникает как реакция на внешнюю ситуацию. Первый смех обычно звучит в ответ на легкие тактильные или звуковые раздражители, затем доминирующими становятся визуальные сигналы. При этом важнейшим условием смеха малыша становится то, что все эти сигналы исходят от знакомых ему людей, в первую очередь родителей.

В 6 месяцев современные дети смеются от таких игр, как «ку-ку» (родитель то прячет, то приближает свое лицо), «коза рогатая»,

«сорока-воровка» и т. п. В это время начинают вызывать малышковый смех подбрасывания, щипки, щекотка. Специалисты относят все эти виды игровых действий с детьми к категории «шоковых», поскольку ранее они превышали пороговый для малыша уровень опасности и вызвали плач. Но теперь вызванное привыканием и нарастающим чувством доверия к родителям, возросшее чувство безопасности позволяет ребенку воспринимать пугающее действие уже не всерьез, что и обуславливает переход от плача к смеху. По данным немецких исследователей Э. Герцфельда и Ф. Прагер, игра «ку-ку» в 6–8 месяцев вызывает смех примерно у 10 % детей, в 9–11 месяцев – у 30 %, а в полтора-два года – уже у 70 % детей (Herzfeld, Prager 1930).

Вырастая и социализируясь, люди привыкают использовать смех для разрядки ситуации. Давно замечено, что в дружеских компаниях смех и шутки звучат регулярно. Причем уровень остроты в этом случае может быть невысок, важнее сама настроенность на смеховую реакцию. Характерно также, что в этой ситуации говорящие (в отличие от эстрадных выступлений юмористов) смеются даже чаще, чем слушающие.

Действительно, если (и особенно когда) вступающие в коммуникацию люди имеют различные социальные статусы, что неизбежно вызывает напряжение у низкостатусного индивида, поскольку его (более) высокостатусный визави в силу имеющихся у него возможностей по крайней мере потенциально несет в себе угрозу доминирования, лучший способ понизить это напряжение – шутка со стороны высокостатусного партнера. Прибегая к шутке, вовлекая в разговор элементы юмора, собеседники не только (и не столько) порождают смеховую реакцию, сколько нивелируют статусное различие и переводят разговор в тональность, подразумевающую отношения равноправия и дружелюбия.

Наконец, нельзя не отметить и своего рода анестезирующую функцию смеха. О ней можно говорить и в буквальном смысле слова (есть данные, что смех, сопровождающийся выделением эндорфинов, действительно повышает порог болевой чувствительности [Dunbar *et al.* 2011]), и в более широком плане. Замечено, что в ситуационном ландшафте, характеризующемся высоким уровнем стрессогенности и психологической напряженности (пребывание в больнице, тяжелый и рискованный турпоход, фронтовые будни и т. п.), очень часто звучит смех, провоцируемый постоянно звучащими шутками, «приколами», широким использованием иронии и

самоиронии. Индуцирование и поддержание шутливой, «несерьезной» атмосферы в таких – предельно серьезных – обстоятельствах использует (более или менее сознательно) способность смеха понижать «градус» ситуации для уменьшения психологической мучительности имеющейся ситуации, а потому бывает весьма востребованным.

* * *

Как отмечалось, феномен человеческого смеха с давних пор интересовал философов, ученых, художников, да и просто мыслящих людей. Однако вплоть до недавнего времени огромные интеллектуальные усилия, направленные на разрешение «загадки» смеха, породив горы литературы, не очень сильно приближали нас к ее разгадке. Виной тому, как представляется, общая неразвитость наук о человеке и человеческом поведении, которые, пожалуй, только в конце XX в. приобретают действительно научный характер. Самое интересное для человека, а именно сам человек, его привычки, действия, взаимоотношения с другими людьми, долгое время описывались, анализировались, обсуждались в основном спекулятивно, без должного научного фундамента. Такой научный фундамент стал вырисовываться только в относительно недавнее время, когда предложенная Ч. Дарвином эволюционная теория, обогащенная и соответствующим образом модифицированная на основе данных генетики, физиологии высшей нервной деятельности, этологии, антропологии и психологии, оказалась с должной степенью корректности распространенной на человека и человеческую деятельность.

Литература

Анохин, П. К. 1962. Опережающее отражение действительности. *Вопросы философии* 6: 97–109.

Аристотель. 1937. *О частях животных*. М.: Гос. изд-во биологической и медицинской лит-ры.

Дмитриев, А. П., Сычев, А. А. 2005. Идея превосходства. В: Дмитриев, А. П., Сычев, А. А., *Смех. Социофилософский анализ*. М.: Альфа-М. URL: <https://bookucheba.com/massovyyih-kommunikatsiy-sotsiologiya/ideya-prevoshodstva-52419.html/>.

Кальтенхаузер, Д., Крушинский, Л. В. 1969. Этология. *Природа* 8: 21–31.

- Козинцев, А. Г.** 2007. *Человек и смех*. СПб.: Алетейя.
- Кузеля, З.** 1914. Посиживіне і забави при мерці. *Записки Наукового товариства ім. Шевченка*. Т. СХХІ. Львів, с. 173–224.
- Лашенко, С. К.** 2006. *Заклятие смехом. Опыт истолкования языческих ритуальных традиций восточных славян*. М.: Ладомир.
- Левин-Стросс, К.** 1994. *Первобытное мышление*. М.: Республика.
- Лоренц, К.** 1994. *Агрессия (так называемое «зло»)*. М.: Прогресс.
- Назаретян, А. П.** 2002. Архетип восставшего покойника как фактор социальной самоорганизации. *Вопросы философии* 11: 73–84.
- Пинкер, С.**
2017. *Как работает мозг*. М.: Кучково поле.
2018. *Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня*. М.: Альпина нон-фикшн.
- Поршнев, Б. Ф.** 1974. *О начале человеческой истории*. М.: Мысль.
- Пропп, В. Я.** 1976. *Проблемы комизма и смеха*. М.: Искусство.
- Рюмина, М. Т.** 2010. *Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Ухтомский, А. А.** 2017. Доминанта и интегральный образ. В: Ухтомский, А. А., *Учение о доминанте*. М.: Юрайт, с. 32–43.
- Фейнман, Р. Ф.** 2001. *Наука самолетопоклонников*. В: Фейнман, Р. Ф., *Вы, конечно, шутите, мистер Фейнман!* М.: Регулярная и хаотическая динамика.
- Черников, М. В., Филатов, Д. А.** 2016. Трансформации интимности в современном обществе. *Вестник ТОГУ* 3(42): 191–196.
- Chapman, A. S., Wright, D. S.** 1976. Social Enhancement of Laughter: An Experimental Analysis of Some Companion Variables. *Journal of Experimental Child Psychology* 15: 295–303.
- Dunbar, R. I. M., Baron, R., Frangou, A., Pearce, E., van Leeuwen, E. J. C., Stow, J., van Vugt, M.** 2011. Social Laughter is Correlated with an Elevated Pain Threshold. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences* 279(1731): 1161–1167.
- Eibl-Eibesfeldt, I.** 1989. *Human Ethology*. Hawthorne, New York: Aldine de Gruyter.
- Freedman, J. L., Perlick, D.** 1979. Crowding, Contagion, and Laughter. *Journal of Experimental Social Psychology* 15: 295–303.
- Herzfeld, E., Prager, F.** 1930. Verständnis für Scherz und Komik beim Kinde. *Zeitschrift für angewandte Psychologie* 34: 353–417.

Jameson, F. 1991. *Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham, NC: Duke University Press.

Korlandt, A. 1940. Wechselwirkungen zwischen Instinkten. *Archives neerlandaises de zoologie* 19: 271–304.

Leyhausen, P. 1973. Biologie von Ausdruck und Eindruck. In Lorenz, K., Leyhausen, P., *Antriebe tierischen und menschlichen Verhaltens*. München: R. Piper, S. 297–407.

Provine, R. R. 2000. *Laughter: A Scientific Investigation*. New York: Viking.

Russell, R. E. 1987. *Russell Life, Mind, and Laughter*. Chicago: Adams Press.

Schmidt, W. D. 1957. Attrappenversuche zur Analyse des Lachens. *Psychologische Beiträge* 3: 223–264.

Tinbergen, N. 1952. “Derived” Activities: Their Causation, Biological Significance, Origin, and Emancipation during Evolution. *Quarterly Review of Biology* 27: 1–32.